

0045

ИЗ ФРОНТОВОЙ ЖИЗНИ

ВАНДА ВАСИЛЕВСКАЯ

В хате

310
P39686

ИЗДАТЕЛЬСТВО „ПРАВДА“
1942

В ХАТЕ

— Бабка! Бабка!

Анисья подняла глаза. Из-за плетня ее звала Наталка.

— Чего?

— Можно зайти к вам на минутку?

— Чего ж нет? Заходи, если надо,— ворчливо сказала Анисья.

— Бабка!

— Чего тебе?

— Бабка, немцы идут.

Анисья пожала плечами. Она слышала это уже несколько дней. Они шли. Ну и что же? И немцы небось, дадут спокойно померегь такой старой ружьяди, как она. Идут, так идут... Ей-то, старухе, что.

— Бабка, мы все уходим в лес, и тятя, и я, и все!

— Ну и идите... А я тут погреюсь на солнышке.

— Бабка, у нас в саду два красноармейца.

— Кто?

— У нас в саду, в той будке, что за сливами, два красноармейца.

— Ну так что? Понравился тебе который, что ли?

Наталка вздохнула. Она присела на корточки глядя в бледные, подернутые бельмом глаза, громко выразительно говорила:

— Бабка, красноармейцы раненые. Их нельзя взять с собой. Они лежат, их нельзя шевелить. Понимаете?

— Понимаю... На солнышко бы их...

— Бабка, они тяжело раненые, понимаете? Мы все уходим в лес. А немцы вот-вот подойдут... Бабка, красноармейцам надо воды подагь, походить за нами, понимаете?

— Чего ж тут не понять?

— А сможете ли вы?

— Почему не смочь?

Наташка погладила морщинистую, дрожащую руку.

— Ну, так будьте здоровы, бабка... Я так думаю, что скоро мы обратно в деревню... А теперь, пока что, побегу.

И замелькали босые ноги. Анисья покачала головой:

— Вот коза. Ну, старая, поглядим, где там эти двое...

Она тяжело приподнялась. Труднее всего было встать. Но, раз распрямившись, больные ноги шли уже сами.

Она обошла кругом и вошла в соседский сад. На соломе лежали двое раненых. Старуха присела на корточки и рассматривала их.

Один из раненых очнулся от лихорадочного забытья, поднял перевязанную голову.

— Кто здесь?

— Тише, тише... Бабка Анисья пришла... Ты лежи, лежи спокойно...

— Воды...

— Воды... Принесу и воды, голубок, а как же, всего принесу...

Она сама не знала, откуда взялись у нее силы. Рвущая боль в ногах прекратилась. Анисья не помнила о ней. Она начерпала воды из колодца, налила в кувшин и снова отправилась в сад, под сливы.

— Пей, пей, голубок...

Она поставила кувшин около раненых и засемила к себе. Тут она снова уселась на пороге и сразу задремала, утомленная хлопотами. Ее разбудила вечерняя прохлада. Она с усилием засемила к раненым и снова вернулась к себе.

— Вот и день прошел...

Утром во двор вошли трое. Слышны были жесткие звуки чуждой речи. Бабка Анисья не испугалась. Что ей немцы? Ей, может, несколько дней осталось до смерти, до той смерти, что все не приходила.

Пришельцы покричали, покричали и ушли. Анисья

думала, что на том и конец. Но не успела она подняться с порога, как их привалило полный двор.

— Твоя хата?

Она заслонила рукой глаза от солнца. Кто-то говорил по-украински, — знакомые слова, но выговор жесткий и хриплый. Ей не хотелось разговаривать.

Но офицер напирал.

— Говори, твоя хата?

— Моя.. А что?

— Открывай избу.

— Да ведь открыта, — удивилась Анисья.

— Открывай, когда тебе говорят, — крикнул переводчик.

Медленно, постанывая, тяжело опираясь на палку, она поднялась и вошла в избу. Офицеры за ней.

— Ты одна в хате? — спросили старуху.

— Одна.. Уж десять годов, как одна..

Ее оставили в покое. Они расселись на лавке, на кровати и громко разговаривали о чем-то. Она подождала минутку и двинулась к двери. Чья-то тяжелая рука упала на ее плечо и дернула ее назад. Она поняла, что ее задерживают в избе. Полковник долго разговаривал с переводчиком.

— А вы присматривайте. Слепая, старая, а чорт ее знает, что там в сущности. Оглянуться не успеете, как она наведет на нас кого-нибудь..

Когда переводчик ей объяснил, что она должна сидеть дома, несколько раз покладисто кивнула головой. Ей-то что?.. Дома, так дома.

Она взобралась на печку и задремала. В избе громко разговаривали, раскладывали по столу карты, ссорились, свистали, топтали подкованными сапогами. Это ей не мешало. Она дремала.

Но к вечеру ее охватило беспокойство. Там, в притаившейся под сливами будке, наверно уже нехватало воды в кувшине. Хлопцы ждут и не могут дожждаться бабки Анисьи. Они ведь ничего не знают. Подумают, забыла старуха, поленилась притти..

Она совсем очнулась от дремоты и внимательно осмотрелась в избе. Их было тут полно, они толпились у дверей, ходили по сеним, у входа стоял часо-

вой. Выйти незаметно нечего было и думать. Она, кряхтя, слезла с печки.

— Ты куда?

Переводчик вырос словно из-под земли. Она сердито оттолкнула палкой его руку.

— Смотрите какой... По своей нужде иду. Понятно?

Он отступил, но, выйдя, она заметила, что он идет за ней по пятам. Она пожала плечами.

Вот еще старой бабы испугались немцы... Ну, стерегите, стерегите.

Она вернулась в избу на печку. Но беспокойство за тех, за тех двух угнетало ее все сильнее.

Она долго вертелась на своей подстилке и тяжело вздыхала. Когда пришел сон, ей снились те двое. Ох, как громко кричали те двое, как громко требовали воды. Так громко, что Анисья проснулась. И сразу почувствовала: что-то неладно. Она взглянула с печки, и ей показалось, что ей все еще снится.

Офицеры сидели за столом на табуретах, на кровати. А перед ними стояли, поддерживаемые солдатами, те двое, из будки под сливами. Бабке Анисье показалось, что с ее глаз вдруг спало бельмо, нараставшее на них годами. Она увидела то, чего не видела за всю свою долгую жизнь.

За столом, по самой середине, сидел полковник. Переводчик стоял у стола около раненых. Полковник бросал вопрос, и переводчик быстро, жестко, хриплым голосом повторял его.

— Какой части?

Анисья даже здесь, на своей печке, слышала тяжкое дыхание раненых. Они хватали запекшимися губами воздух, тяжело дышали. Они шатались, и руки немецких солдат грубо и крепко поддерживали их.

— Какой части?

Они не отвечали. Полковник сердито грохнул кулаком по столу.

— Скажите им, что я не поцеремонюсь, понятно?

Анисья слышала жестокую угрозу в его голосе. Она чувствовала, как колотится ее сердце. Оно билось, билось так сильно, как не билось долгие годы, и старуха подумала, что, пожалуй, там у стола слы-

шен грохот, разрывающий ее грудь. Но никто не смотрел на печку. Все глаза были устремлены на тех двоих, что пошатывались перед столом, поддерживаемые грубыми солдатскими руками.

— Какой части?

Раненый в голову перевел дыхание. Бабка Анисья ожидала, вся дрожа.

— Не скажу.

— А ну, Ганс, помоги ему. У него слова не пролазят сквозь зубы, ты помоги ему.

Солдат замахнулся и ударил кулаком по лицу. Голова в грязной, пропитанной кровью повязке бесильно качнулась назад. Но раненый, напрягая волю, выпрямился опять.

— Где армия?

— Не знаю.

— Где люди из деревни?

— Не знаю... Я никого не видел,— хрипел раненый.

Полковник гневно сжал лежащие перед ним бумаги.

— Ганс, он не видел... Понимаешь, он не видел... Ну-ка, помоги ему увидеть. Понимаешь, помоги ему так, чтобы он увидел...

Раненый упал на землю. Анисья приподнялась. Нет, этого не может быть, старые глаза не обманывают! Солдат вытащил штык. Двое сели на лежащего. Осторожным, почти нежным движением, солдат воткнул штык в левый глаз. Раздался нечеловеческий, задушенный крик и тотчас умолк.

— Прикончить! — сказал полковник. — Следующий! Спрашивайте.

Анисья торопливо спрягала голову под одеяло. Она затыкала пальцами уши, чтобы не слышать. Зажимала ладонями глаза, чтобы не видеть. Со стоном проклинала свою жизнь, которая тянулась девяносто девяносто один год, чтобы дойти до этой ночи. Она проклинала свои глаза: они не ослепли во-время, не заросли до конца бельмом, они увидели. Проклинала свои уши: они не оглохли во-время, они могли это слышать.

Сквозь одеяло до старых ушей доносились стоны

и отчаянный, монотонный, все один и тот же крик:
— Не знаю! Не скажу!

И, наконец, тишина. Но она долго не решалась взглянуть из-под одеяла. Наконец, высунула голову. Те, повидимому, собирались спать, расстегивали пояса, снимали сапоги. Закрыли окна деревянными ставнями. Задвинули засов у дверей. Перед домом расположились лагерем солдаты, за дверьми ходил часовой, но офицеры, видно, никому и ничему не доверяли. Полковник сам осмотрел засов у дверей, попробовал его. Проверил ставни. И сам подошел к печке посмотреть, спит ли там старуха.

Анисья поспешно закрыла глаза, стараясь дышать ровно, спокойно.

Лампа погасла. Анисья чувствовала, как у нее деревенеют руки и ноги, как становятся тяжелей свинца.

Она ждала. Время тянулось медленно, страшно медленно. В черном мраке избы секунды расплывались в вечности. Время остановилось. Руки и ноги Анисьи окоченели, пот ледяными каплями покрывал лоб и спину — все равно она должна это сделать!

Кто-то уже храпел. Анисья бесшумно приподнялась на печке. Ей показалось, что ее видно в темноте, что слышно каждое ее движение. Но те спали. Со всех сторон несло сопенье и храп. Они лежали вповалку на постланной на полу соломе. Полковник спал на кровати. Она спустила с печки одну ногу. Ждала. Никто не шевельнулся. Другую ногу — ничего. Тихонько, осторожно она слезла с печки. Только не разбудило бы их ее сердце, бьющееся словно набат. Но нет, они спали. Спали глубоким, крепким, тяжелым сном усталых людей Анисья, шаря руками в темноте, подошла к дверям. Сдерживая дыхание, еще раз повернула ключ и вынула его из замка. Глубже воткнула затычки в ставни. Сколько сил в ее дрожащих, опухших руках! Дверь была заперта крепко. Крепко заперты были окна. Никто не помещает спать, никто не проникнет в хату, никто не нарушит отдыха господ офицеров.

Она переждала. Пошарила под лавкой. Да, бутылка была на своем месте. Полная бутылка. Как раз недавно Наташа принесла из лавки и поставила туда полную бутылку.

Анисья вытасила пробку. Бесшумно наклонилась над кроватью и медленно, осторожно налила керосину на солому, там, где лежали полковничьи ноги. Отступила на шаг и медленно, осторожно полила керосином там, где лежали на полу офицеры. И на пороге, и всюду.

Дерево было сухо, сухи были доски, ведь сколько лет стояла уже хата? Дерево было сухо, как солома. Да, верно, солома... Она заботливо окропила и подстилку.

Дрожащими пальцами она искала на шестке спички. Были ведь и спички. А как же?—лежат на своем месте...

Накинув на голову одеяло, она потеряла под ним спичкой о коробок. Вспышка, показалось ей, прозвучала громче выстрела. Но в избе все было тихо. Мерно храпели, спали тяжким сном утомленные люди. Она поднесла горящую спичку к самому полу и не могла уже подняться. Быстрый огонек пополз по соломе, скользнул, как змея, между соломинками, разлился всюду, как вода.

Анисья, не отрываясь, глядела на огонь. Она не почувствовала, как загорелась ее намочшая в керосине юбка.

Когда с криком вскочил первый из спящих, изба горела пожирающим, быстрым, несущимся вверх огнем. Кто-то отчаянно ломился в дверь.

Бабка Анисья поднялась, но тут же упала ничком, упала лицом в пламя. Успела вспомнить, что двери и окна заперты, заперты крепко и никому не удастся их открыть.

А61499. Издательство «ПРАВДА». Цена 5 коп. Зак. 2337.

Подписано к печати 10/IX 1942 г.

Тираж 1 000 000.

Типография газеты «Правда» имени Сталина,
Москва, ул. «Правды», 24.